
Владимир Ягличич

СТИХОТВОРЕНИЯ¹

Перевод с сербского и вступительная заметка О.А. Комкова

Владимир Ягличич (3.11.1961, село Горная Сабанта, обл. Шумадия, Сербия — 7.04.2021, Крагуевац, Сербия) — поэт, переводчик, прозаик. Автор нескольких сборников поэзии, около пятидесяти книг переводов с русского, английского и французского, трёх романов и множества рассказов. В последние годы жизни работал в библиотеке музея в своем родном Крагуевце, трудился над огромной антологией современной русской поэзии в собственных переводах.

Оригинальным стихам Владимира Ягличича, отмеченным неповторимой поэтической интонацией и являющим многообразие форм, жанров и ритмов, присущи глубокая, спокойная мудрость и удивительное сочетание аскетической отрешенности и проникновенного сердечного чувства. Я счастлив тем, что имел возможность прикоснуться к поэтическому миру Владимира Ягличича, и посвящаю эту публикацию памяти безвременно ушедшего от нас поэта.

ИМЯ

Не зови, не надо. Долгими годами
я учусь не слышать. Не внимать тревожно
именам, что выются горестно над нами,
с воем исчезая в будущности ложной.
Только воздух властен дерзким колыханием
помешать открыто этим тяжким стоном.
Пусть пребудет имя смёрзшимся дыханием,
чтоб навек остаться произнесённым.

ОРФЕЙ

Где взор тебя приметит, Эвридика?
Какою жизнью бдишь ты неустанно?
Ищу тебя. Гоним. Тропую дикой.
Ты ль стала птицей? Ключьями тумана?

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Кто по листве за мной бредёт безлико?
Иль тени в кронах бредят сном обмана?
Не оглянусь, души не выдам крика —
пускай тоска вращает в смерть, как рана!

Я знаю, боги, скрыта мёртвой ночью
она, чтоб песнью жить во мне, — и, верьте,
я б отдал песнь за милый трепет века!

Но жизнь сама явилась нам воочью:
мир, сотканный из тяжести и смерти,
что ныне стал отсутствием — до века.

ИКАР

И только крылья преданно мечтали
лишить меня корней, земного плена.
И только море в матерней печали
ждало, пока меня обнимет пена.
Не скрыть полёта! — и спастись едва ли
от солнца перьям, сотканным из тлена!
Что не сбылось вовек в небесной дали,
то каждый миг сбывается нетленно.
Как бунт, пред коим отступает кара,
в сплетеньи мимолётном с вечным роком,
и как дыханье солнечного жара —
для гордости мирской немой уроком, —
парит над каждым морем тень Икара
и рдеют крылья в рвении одиноком.

СОКРАТ

1

С самим собою в долголетней брани
я не снискал ни славы, ни победы.
Лишь мысль, как дуб, раскинув ветви-длани,
в бесчисленные прорастает беды.
Борьба упорна: точит червь древесный
в стволе для чужаков подобье дома.
Где дом? Извечно в яви наднебесной?

Там, здесь, вдали, за кромкой окоёма?
Противник предо мной стоглав и злобен —
в том нет и тени мрачного сомненья.
Не всякий знает, что пройти способен
над бездною по краю разуменья.
Но, цель познав и поборовши страсти,
не стану ль новым мифом о несчастьи?

2

Завидной красотой пестрится тело.
Я синяков медали обнажу
на коже, что, как войлок, огрубела,
обречена цикуте и ножу.
Теперь и брат родной меня отринет.
Не позовёт никто в тенистый двор.
И новый день без должной скорби минет,
и не споёт проникновенно хор.
Но, может быть, — пускай и не пророчу —
в питьи обрящу верность глубине,
в непонятости — дом, храним страданьем.
Неужто чью земную власть упрочу
той смертью, что покой дарует мне
в единстве с непостижным мирозданьем?

ЭДГАР ПО

На север путь — душе отрада:
подарит ночь свободу,
сокроет горы — и не надо
рвать ворот небосводу.

Там, где земля, что стол накрытый,
лежит невинна, стыла,
навек в могиле позабытой
Вирджиния почил.

Гудок раздался ль парохода,
иль парус взмыл далече, —
во всём струится нежно ода
желанной, светлой встрече.

В воде, как в зеркале, — смирение,
немой покой и верность:
лик, что не знает измененья,
несмертность и всемерность.

Бездомен, странен, неприкаян —
жилец иных владений.
Ищи его у тех окраин,
где только тишь и тени.

Р.Л.С.²

В двучицы воспарив крылатом,
как истинный отыщем лик?
Нешадно шёлк сечём булатом
за бредни рифм, за ржавый блик.
И мысль бродяжничать устала
в чужой поре, в чужом краю:
обрёл сказитель — Туситала —
в могиле молодость свою.
Моряк, вернувшийся из дали
(финал комедии нелеп):
как часто звёзды мне бывали
важнее, чем насущный хлеб!

ПЕРЕД СКУЛЬПТУРАМИ ИГОРА МИТОРАЯ³

Мы — часть. Каких-то крыл частица,
с чужой главою сердцем слиты...
Мы — тайны часть, что вечно длится,
и лишь прозрению открыты.
Что видим? — остриё излома:
иного не отыщет око,
непостижимостью влекомо
к тому, что в нас живёт глубоко.

---

² Р.Л.С. — Роберт Льюис Стивенсон. *Здесь и далее — прим. переводчика.*

³ «Игор Миторай (р. 1944) — польский скульптор, живет и работает в Италии. Источником вдохновения ему служит искусство античной скульптуры Древней Греции. Для творчества И. Миторая характерен мотив хрупкости человеческого существования, выраженный в забинтованных и лишенных отдельных частей фигурах. В мире известны такие скульптуры И. Миторая, как: «Голова», «Венера», «Эрос». Его монументальные произведения служат оформлением площадей и скверов Парижа, Токио, Петрасанты, Болоньи, Рима, Кракова, Варшавы» (цит. по справке на официальном веб-портале Республики Польша: <http://ru.poland.gov.pl/%D0%98%D0%B3%D0...%2324.html>).

Совлечь, как с мумий, ткань покрыва,
рассечь причину. И сплетенье
нам явит формы тяготенья.
Но мир еще взыскует слова.
А то, что в нём творится глухо, —
одна из революций духа.

СЛОМАННАЯ ВЕТКА

Иссохла, не трепещет,
вдоль дерева повисла;
а небо в чашу плещет
дождём, как с коромысла.

К чему жалеть о свете?
Лишь плакальщица стонет.
Угрюмый путник, дети,
да ветер тучи гонит...

Падёшь в лиственный ворох.
Траву питает сладость.
Язвящих капель шорох
грибам пророчит радость.

А шёпот примиренья —
извечная химера.
В дожде — источник тленья
и всходов новых мера.

Мы встретили друг друга,
а смерть уже во встрече.
Легко, как от испуга,
навек лишиться речи.

Кора сползает склизко,
явив кольцо до срока.
Что должно стать — близко,
чем были мы — далёко.

ПОГОНЯ

Кто за кем в погоне?
Я иль кто за мною?
Не расслышать в звоне
рога за спиною!

Чтоб не оступиться,
в сказке тихо скроюсь.
Опустив ресницы,
в мягкий сон зареюсь.

Честно ль по-девичьи
жить под сенью сказки —
ни борзой, ни дичью
в дикой свистопляске?

СТРЕЛЬБИЩЕ

Шлейф, что целовали, ныне вы безбожно
пачкаете грязью (что молчать тревожно? —
ведь ясна причина с самого начала:
сколько ни склоняйся, вечно будет мало).
Лишь один, презренья общего достоин,
в будущее глядя, бдит на страже воин:
мир пред ним прострелен, взор без содроганья
видит торг, измену, сдачу, поруганье.

Верен данным клятвам, дни и ночи кряду
ты стоишь, мишенью сделанный в награду.
Ремеслом ненужным бредя в карауле,
разве ты не слышишь свиста шалой пули:
будто поразили дух в незримом теле
стрелы, что достигли непостижной цели?

ИМЕНИННЫЕ КАРПЫ

Коль на крючок попался, не жди хорошей вести:
сперва в корзину кинут, потом снесут в пакете —
да в ледяную ванну; а коль накроют сети —
о нересте забудешь со всею стаей вместе.
Очнёшься в магазине (как будто на сиесте),
в аквариумном рае — что на другой планете —
и, смерти не почуяв, помыслишь по примете:
«Опять везут куда-то?» — да больно много чести!
В мешок прозрачный бросят, и, чтоб не трепыхались, —
бух! бух! — пройдутся ловко по головам дубины,
нальются кровью стенки — теперь плывите дале.
Но «дале» не случится. Тела, что колыхались
в одном мешке, раскупят постом на именины.

Приятного застолья! К чему нам все детали?